

Л. А. РОЗАНОВА

**ОБ АФОРИЗМАХ И АФОРИСТИЧНОСТИ
СТИЛЯ В ПОЭМЕ Н. А. НЕКРАСОВА
«СОВРЕМЕННОИКИ»**

Некрасовская поэма «Современники» является уникальным по афористичности стиля произведением. Соглашаясь с мнением М. В. Теплинского о том, что ее замысел возник в середине 60-х годов, а материал стал собираться в конце 60-х — начале 70-х¹, напомним, как в творчестве Некрасова именно этой поры некоторые старые критики, а за ними и отдельные современники усматривали спад, затишье. Дело не в спаде. Более того, мнение о нем весьма дискуссионно при учете ряда свойств поэзии «позднего» Некрасова, при учете осуществившихся в последней «смещений», передвижек в соотношении приемов и средств воссоздания «модели мира» средствами искусства. В их числе — предельная эмоционально-смысловая напряженность и оригинальность, достигаемые в результате осознанной установки на афористичность стиля. Дело, следовательно, в появлении и усилении новых особенностей в индивидуальной манере письма.

Однако вопрос об афористичности стиля поэмы «Современники», как и афористичности многих других произведений Некрасова, к сожалению, не привлек до сих пор должного внимания исследователей. Поскольку нам доводилось излагать краткую историю отношения к афоризмам и афористичности стиля крупнейшего из русских поэтов второй половины прошлого века, здесь останавливаться на ней нет необходимости.

¹ Теплинский М. В. Примечания к поэме «Современники». — В кн.: Некрасов Н. А. Полное собрание стихотворений. — Л.: Советский писатель, т. III, 1967, с. 402. Далее обозначения по этому изданию (тт. I—III) даются так: Ст., затем римской цифрой указывается том, арабскими — страница.

Заметим лишь, что лаконизм мышления и тенденцию к лаконичным формам выражения переживаемого следует считать свойствами личности Некрасова; что для него существовали критерии ценности «слова меткого»; что — обопрется на авторитет К. И. Чуковского — в большинстве своих ставших «крылатыми» речений поэт «выступает как мыслитель, вооружающий демократическую массу читателей предельно сжатыми формулами»².

Во множестве современных определений афоризмов очень часто они видятся как некая сумма отмеченных особым характером выражений писателя³. Автор предлагаемой статьи отдал предпочтение определению Л. Успенского: «...афоризм не есть просто мысль, выраженная в краткой форме. Афоризм должен быть кратким, изящным, художественно тонким выражением мудрой, глубокой мысли. Он может выступать как первая формулировка ее, подлежащая дальнейшему развертыванию, уточнению, доказательству в сложно построенном рассуждении. Он может, напротив того, возникнуть как конец и завершение такого рассуждения, как плод, в котором воплощен весь смысл жизни целого дерева <...>. Он напоминает собою пружину, свернутую в тугую спираль, именно силой своей мастерской отделанности»⁴.

Употребляемое нами понятие «афористичность стиля», безусловно, шире, сложнее, чем «афоризм» или «сумма афоризмов». Оно объединяет своего рода «афористическую среду», участие в ней действующих лиц и автора-повествователя, выработанные в связи со специфическим заданием «законы», принципы включения и функционирования афоризмов. Некрасовская система «сцепленности» афоризмов как отдельных суждений, как своего рода «ключа» для характеристики персонажа или его судьбы, как исходной посылки для развития авторской мысли и т. д., по природе своей несущая определенный дидактизм, не снижает художественности, ибо

² Чуковский Корней. Мастерство Некрасова. — М., 1952, с. 278.

³ См., например: Николюкин А., Коваленко С. Крылатые строки русской поэзии. — Наука и жизнь, 1973, № 10; Милова Л. И. Передача шекспировских афоризмов в русских переводах. — Вопросы русской литературы. Львов, 1979, вып. 2 (34). То же свойственно и статьям в справочных изданиях.

⁴ Успенский Лев. Коротко об афоризмах. — В кн.: Афоризмы. Избранные изречения деятелей литературы и искусства. (Сост. Райзе И. С.) — Лениздат, 1964, с. 9—10.

более, чем у кого-либо из художников слова, смысловой и образный центр в таких выражениях у него основан «не на аналитической самоочевидности и не на систематической аргументации, а на целостном духовном опыте, истина которого может быть только пережита, но не доказана»⁵.

При рассмотрении «афористической среды» в «Современниках» осуществлялась внутренняя опора на то, как видится специфический характер этого произведения исследователям. Среди них были люди, много и результативно работавшие с рукописями⁶, — их стараниями утвержден более совершенный в сравнении с напечатанным в III томе Полного собрания сочинений и писем Н. А. Некрасова текст произведения. Однако вопрос об афористичности стиля в результате наблюдений за процессом работы художника у них не возник. Он обойден в статьях, посвященных анализу идейной направленности «Современников»⁷, и даже — рассмотрению их стиля⁸. В. Г. Прокшин, например, писал о специфике лексики в поэме «Современники», о том, что размер стиха в ней менялся 56 раз и что Некрасов, осуществляя свой замысел, явно стремился к лаконизму стиля. Но результат этого любопытнейшего наблюдения оказался сжатым лишь в такое «урезанное» утверждение: «Специфика композиции первой части поэмы требовала

⁵ Эпштейн М. В. Афористика. — В кн.: Краткая литературная энциклопедия. Т. 9. — М., 1978, с. 83.

⁶ Прокшин В. Г. К творческой истории поэмы Н. А. Некрасова «Современники». — Ученые записки (Башкир. пед. ин-т, 1955, вып. V, № 1); Он же. Стиль поэмы Н. А. Некрасова «Современники». — Славянский сборник (Башкир. гос. ун-т. Уфа, 1962); Теплинский М. В. Творческая история поэмы Некрасова «Современники». — Некрасовский сборник, II. — М.; Л.: изд-во АН СССР, 1956; Теплинский М. В. К творческой истории поэмы «Современники». — Некрасовский сборник, III. — М.; Л.: изд-во АН СССР, 1960; Савостин И. Г. Диалектика фабулы, сюжета и композиции поэмы Н. А. Некрасова «Современники». — Вопросы сюжетосложения. Сборник статей, 4: Сюжет и композиция. — Рига: Звайгзне, 1976.

⁷ Теплинский М. В. Об идейной направленности сатиры Н. А. Некрасова 1870-х годов (по материалам поэмы Некрасова «Современники»). — Ученые записки Южно-Сахалинского пед. ин-та, 1957, т. I. Небезынтересно, что среди текстовых примеров, в том числе взятых из вариантов, немало имеющих афористический характер. Но именно это и осталось в стороне.

⁸ Червяковский С. А. Из наблюдений над лексикой поэмы Н. А. Некрасова «Современники». — В кн.: Вопросы русского языка. Язык Н. А. Некрасова, вып. III. — Ярославль, 1969.

максимальной краткости похвальных речей в честь правительственных чиновников, и поэт до предела сокращал эти речи⁹. В одной из более ранних статей он подходил к интересующему нас вопросу ближе, когда отмечал эпиграмматическую форму некоторых реплик в поэме «Современники», но нужного для выдвигаемой темы шага не сделал и там¹⁰. Еще до него попытки рассмотреть, как Некрасов искал самое точное слово для характеристики первых «деяний» Федора Шкурина, осуществил К. И. Чуковский, однако опять-таки слова вообще¹¹.

Между тем, кто из нас не слышал или не употреблял сам для выражения своего отношения к какому-либо типу человека, социальному явлению, жизненному обстоятельству, нравственному началу и т. д. таких суждений, как «Пусти нагим по Невскому проспекту — Покажется он в тоге и венце»; «Он, как ртуть, на всяком месте»; «Кроме каменной болезни, не имел он ничего»; «...нет глупей несчастья: Потерять последний грош»; «...самородок-русак Стоит немецких философов пары»; «Тут уж торная дорога»; «Кто низко пал — воспрянуть может вновь» (III, 129, 130, 125, 101, 105, 144) — перечисление примеров остановить затруднительно.

Если принять за исходное текст в Полном собрании сочинений и писем (поскольку наблюдения над другими текстами делаются по этому изданию, то и для «Современников» не может быть исключения), из 2070 строк его объема афористическими — по самым относительным подсчетам — являются 773, то есть более $\frac{1}{3}$, или $\approx 37,34\%$. Из 455 строк первой части — «Юбиляры и триумфаторы» — афористических, по нашему мнению, 148 (около $\frac{1}{3}$, или $\approx 32,53\%$). В части «Герои времени» из 1615 афористических 625 строк (более $\frac{1}{3}$, или $\approx 38,7\%$).

Общая картина изменится лишь незначительно и в результате анализа большего по объему текста, возникшего в результате уточнений, которым предшествовала разыскательская (В. Прокшина, М. Теплинского) и публикаторская работа ученых — см. подготовленные

⁹ Прокшин В. Г. Форме дай щедрую дань... (Статьи о творчестве Н. А. Некрасова). — Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1972, с. 101 (см. в целом статью «Работа над стилем поэмы «Современники»).

¹⁰ Прокшин В. Г. Стиль поэмы Н. А. Некрасова «Современники», с. 309.

¹¹ Чуковский Корней. Мастерство Некрасова, с. 264—266.

А. Максимовичем наброски и варианты к тексту в III (с. 399—400, 451—467) и М. Теплинским в XII (с. 296—301) томе. На 2160 строк объема этого текста (Ст., III, 246—308) — афористических 826, то есть более $\frac{1}{3}$, или $\approx 38,27\%$. Из 512 строк первой части этого текста афористических 165 (около $\frac{1}{3}$, или $\approx 32,23\%$). Из 1648 строк второй части афористических 661 (более $\frac{1}{3}$, или $\approx 40,04\%$).

Отнюдь не каждая афористическая строка равна выражению, ставшему в живом бытовании афоризмом или крылатой фразой. Таких выражений, которые стали, могли бы стать и еще могут стать афоризмами, в первой части произведения — 64, во второй — 292. Всего их в тексте, взятом за исходный, — 356. В тексте III тома Полного собрания стихотворений их 382 (строго, говоря, совсем новых афористических выражений здесь появилось 28, но при уточнении два прежних публикаторами были сняты). Если применять цифровые подсчеты и далее, то окажется, что некрасовские афоризмы «укладываются» приблизительно в две стихотворные строки (2, 17)¹². Наряду с теми, объем которых менее поэтической строки («...и камни говорят!»; «...глядит — победоносный взор»; «...безгрешен только бог»; «...я был в ударе!»; «Мысль озарила»—III, 125, 129, 143, 145, 149), есть афористические выражения, «заявившие» 3—4 и даже 5 или 6 строк. Последние, однако, несколько утрачивают в общей выразительности и как будто заключают в себе некий внутренний разделитель (см. строки 556—560, 1561—1566, 1636—1641—III, 107, 135, 138).

Преобладают среди выражений, обретающих самостоятельную жизнь в качестве афоризмов или крылатых слов, все-таки краткие, концентрированные, имеющие в тексте размер в одну или две строки (аналогичный вывод возник и в результате анализа текста близких по сафировскому пафосу произведений «Газетная», «Песни о свободном слове», «Балет», «Недавнее время»). В поэме «Современники» таких выражений из 356 — 300: 83 в первой части (27 однострочных и 56 двухстрочных), 217

¹² В варианте III тома Полного собрания стихотворений эта цифра несколько меняется: 2, 14. Допуская несовершенство этих выкладок (считал человек, а не машина), заметим, что в данном случае, как и в ряде охарактеризованных выше, существенна не точность цифры, а устойчивость соотношения, допускающая возможность тех или иных вариаций.

во второй (87 однострочных, 130 двухстрочных). Двухстрочные чаще всего первичны, созданы Некрасовым. Немалая часть однострочных имеет легко просматриваемую литературную или фольклорную основу. Но в результате художественной обработки, а иногда — авторских дополнений они достигли такой степени смысловой и эстетической выразительности, что с определенными новыми качествами вошли и входят в речевую культуру миллионов людей.

Этот вывод — о наличии основы, «толчка» для немалой части афористических выражений — возник в результате наблюдений как за высказываниями собственно автора («Не ударит в грязь лицом!», «Пробудясь, кричит: коня!»; «Вывезло счастье!» — III, 131, 131, 149), так и персонажей («С ним теперь и смех и горе»; «Суды?... По платью приговор!»; «Рабы довольны, если сыты...»; «Знай свой шесток и дань плати культуре!»; «Удар, действительно, жестокий!» — III, 111, 116, 147, 147, 149).

Приведенные цифры и наблюдения, думается, небезынтересны сами по себе. Но еще более они значимы как показатель, несомненно, заключенных в самом тексте мотивов для введения афористических выражений, для их нагнетания в определенных фрагментах поэмы или в суждениях какой-то особой категории персонажей.

В общем движении афористичности стиля поэмы «Современники» очевиден своеобразный ритм.

Большей афористичностью отмечена вторая часть, где внимание автора устремлено к художественному раскрытию закономерностей капиталистической системы и где персонажи, представляя клан первоначальников, создателей и хозяев этой системы, сами пытаются разобратся в ней. Чувствуя себя неудобно, они испытывают потребность самопокаяния и самоанализа. С их исповедями-монологами нередко взаимодействует характеристика со стороны (например, «сцепление» исповеди Зацепы с суждениями князя Ивана, Леонида и Саввы).

Афористические выражения в обеих частях поэмы включены в высказывания, реплики, внутренние монологи 39 индивидуализированных персонажей или групп людей. Иногда указано, что они взяты из книги, принадлежат запевале хора льстецов, входят в текст «еврей-

ской мелодии», «бурлацкой песни» и т. п. Однако насыщенность ими речевого потока, скрепленного с тем или иным персонажем, неодинакова. У благодетелей их всего 2, у присяжного поверенного — 1, у Ученого президента—2, у Оратора—8, у Шкурина—1, у Ветхозаветного — 5, у безымянных персонажей — 13, у князя Ивана — 59, у вошедшего господина — 14, у Леонида — 30, у Зацепы—10, у собственно автора—118.

В варианте трехтомника часть этих цифр несколько меняется. Общее количество голосов со стороны здесь еще увеличивается, ибо автор заглядывает в большее количество зал, слышит суждения находящихся там лиц и соответственно оценивает их. И опять-таки дело не просто в изменении количества. Сохраняется существенный для поэтики «позднего» Некрасова, вызывающий впечатление глубины, объемности, безусловной достоверности принцип осмысления жизни, ее законов многими персонажами. Сохраняется и вся художественная система (в нее входит и отточенная, лаконичная форма выражения тех или иных обобщений). Следовательно, занимавшиеся уточнением текста «Современников» ученые были в основном на верном пути.

Конечно, по количеству в какой-то мере можно судить о значимости того или иного персонажа в «материальной» (пока скажем так) структуре произведения. Но еще более — о том, что привносится им в осмысление «текущей действительности», точнее, того огромного и нового социального явления, которое требовало понимания от всех современников. Возникают, в частности, дополнительные аргументы, усиливающие и подкрепляющие мнение М. В. Теплинского о роли автора-повествователя: «это не только повествователь, но и судья, судящий «современников» с передовых позиций, позиций революционно-демократических»¹³.

Однако роль автора и шире, значительнее. При всей остроте социальности и революционности Некрасов-художник видел, изображал человека, его связи с миром. Вследствие этого в ряде близких к поэме «Современники» произведений шестидесятых — семидесятых годов раскрываются самоосознание или позиция «героев времени». Явную необычность — для выходца из кре-

¹³ Теплинский М. В. Творческая история поэмы Некрасова «Современники», с. 315.

стьянского мира — своего пути Наум определил в афористическом выражении: «Я должен быть своей судьбы Царем единоличным!» («Горе старого Наума» — II, 385). Кто-то вышел на передний край борьбы: «Да, были личности!... Не пропадет народ, Обретший их во времена крутые!», а у кого-то явно разошлись мысли и дела: «Их песня спета — что нам в них? Герои слова, а на деле — дети!» («Медвежья охота» — II, 281, 278). Кто-то не считает счастьем оказаться в одном ряду с сильными мира сего: «Что за радость ослепнуть от блеска Генеральских, сенаторских звезд» («Балет» — II, 244). В афористической форме высказан и результат осмысления времени в целом, его изменчивости и отличительных признаков: «Все пошатнулось... О где ты, Время без бурь и тревог...» («Песни о свободном слове» — II, 238), «Да! трудненько и даже обидно Жить, — такие пришли времена!» («Балет» — II, 247)¹⁴, «Великий век — великих мер» («Медвежья охота» — II, 275), «А смелость в наши времена — Рискованное дело!» («Горе старого Наума» — II, 384). Небезынтересно напомнить афористическую характеристику движущего времени из сатиры «Недавнее время» (1871):

Изменились и люди и нравы,
Только старые наши уставы
Неизменны, на зло временам
(II, 328).

В не публиковавшемся при жизни поэта фрагменте той же сатиры афористически характеризовалась целая группа лиц для «общего очерка»: «Да, собрание это обширно! Здесь немало типических лиц» (II, 511).

Для понимания авторской позиции как единого генерализующего начала в произведении любопытна группа афористических суждений в сатире «Газетная» (1865). У недовольного новым временем старика-цензора возник в споре с автором-повествователем вопрос: «Каково современное племя?» В тексте, еще до этого спора, как бы предваряя его, через ряд авторских суждений давал-

¹⁴ В вариантах вместо этих строк был более развернутый, но тоже афористический текст:

Кто-нибудь «миллиарды в тумане»
Там покажет тебе, может быть,
Ничего не прибудет в кармане
Да не может зато и убыть...
(II, 570).

ся ответ: разное. Например: «Кто живет без печали и гнева, Тот мне любит отчизны своей». Но в то же время живут и такие посетители московской «вральной», как тот, у кого «В мановении брови — гроза! В полуслове — судьба человека!»; живут и современные чиновники: «Там таких дураков насажали, Что их слушать не стоит труда»; живут и газетные деятели, подобные тому, который

...добился успеху во многом
И удачно врагов обуздал,
Кто идею свободы с поджогом,
С грабежом и убийством мешал.

Неудивительно, что посетители «газетной» не любят читать: «Прав донныне старик Грибоедов — С русской книгой мы вечно уснем», что они не дают хода подлинно живому слову: «Эта песня давно уже слышится, Но она не ведет ни к чему» (II, 227, 222, 221, 227, 220, 219, 220).

Следовательно, предшествующий опыт Некрасова-сатирика, а не только творческое задание, поставленное перед конкретным произведением, могли повлиять на определение той значительной роли автора-повествователя, которую он обрел в поэме «Современники». Из ее текста повествователь предстает человеком определенного общественного и социального положения. По строю мыслей он одинок, но вхож в те залы, где пируют «юбиляры и триумфаторы», «герои времени». Он склонен к раздумьям над окружающим. Так, первая, полученная им с утра информация о мире вызывает у него досаду и в афористической форме выраженный вопрос: «Ужели мы с тобой Такого века сыновья, О, друг-читатель мой?» (III, 91). У него есть свой круг интересов, привязанностей, привычек; он наделен необычайно острыми зрением, слухом, а главное — умом. Для него существует жизнь в «мелочах быта»: газеты, телеграф, определенный рацион питания. Он понимает, что свойства личности людей не идентичны.

Очевидно, чтобы закрепить этот «физический» облик автора-рассказчика, Некрасов включает его в ход действия и позволяет ему итожить свои впечатления в таких кажущихся нейтральными суждениях, как: «О, враль! Протри глаза!»; «Счет теряю торжествам»; «Люди заняты в трактирах, Не мешают... я и рад»; «И благодушно занялись моделью для медали»; «Вредно ссориться, друзья! Благодушно веселитесь!»; «Журча, Лился поток суждений, споров»; «Из породы самых близких К чело-

веку обезьян»; «За сердце звуки берут»; «Ушли, полны негодования»; «И провалился — по новости дел» (III, 91, 92, 92, 97, 104, 111, 130, 139, 146).

Эти суждения — результат обобщения каких-то постоянных характерологических свойств людей, занятий, норм поведения и т. п. Несомненно, автор-рассказчик думает о психологическом состоянии своих героев, мотивах их поступков. Это наиболее заметно в первой части, и особенно в финале поэмы, где его голос снова звучит активно, может быть, и потому, что здесь увеличивается значение общих, так называемых «вечных» вопросов: «...юноша смело Сыплет вопросы — и нет им конца»; «Черные мысли отцом овладели»; «И разыгралась воочию драма» (III, 149, 159, 150)..

Некоторые из цитированных и другие суждения из той же, показавшейся нейтральной, группы не лишены доли авторской иронии: «И тут героя чтили»; «...посторонился И дал дорогу осетру»; «Исчезла сцена славы — Захлопнул дверь лакей»; «Словно в бочку из-под сала Льет в себя вино» и т. п. (III, 93, 96, 93, 94). Видеть это важно, поскольку речь идет о сатирическом в целом произведении, поскольку авторская ирония, как и сам тип афористических выражений, в которых она обнаруживается прежде всего, изменяется в зависимости от жизненного материала и художественной ситуации.

Среди авторских афористических суждений немало таких, о нейтральности (или якобы нейтральности) которых говорить просто невозможно. «Схваченный» в них круг жизненных явлений необычайно широк. Их содержательная сфера глубже и тоньше той, что обычно отмечалась учеными, занимавшимися классификацией афоризмов по их тематике¹⁵. Непременным условием однозначности некрасовских афористических выражений оказывается заложенная в многих из них ирония, подчас перерастающая в сарказм, особенно в случаях непосредственного изображения социального зла и его последствий. Иногда в них проступает даже самоирония, усидывающая общее отрицательное впечатление: «Пренья были долги, страстны, Впрочем, я их не слышал» (III, 110). В том же аспекте интересно соотношение иронии и самоиронии в финале первой части, когда с сати-

¹⁵ См., к примеру: Федоренко Н. Афоризм как жанр словесного искусства. — Вопросы литературы, 1973, № 9, с. 157—164.

рически изображенными тузами-обжорами (строки 438—442) автор сопоставляет самого себя (строки 452—455; III, 104).

Взаимодействие субъективного и объективного налицо в характеристиках тех или иных персонажей как социальных типов: «Именитый дед его Был шутом Елизаветы, Сам он ровно ничего»; «И львиную долю себе выделял Из каждого крупного дела по праву»; «...туз откупной — Эксплуататор народного пьянства» (III, 94, 107, 149; аналогичные примеры в строках 126—129, 990—993, 1190—1192, 1411—1415 — III, 94, 118, 126, 132).

Тот же принцип положен и в основу групповых афористических характеристик, общее число которых заметно нарастает по мере накопления авторских наблюдений. Некоторые из афористических суждений по первичной своей роли должны лишь обозначить какую-либо группу: «Немало тут «друзей добра», «Отцов» не перечеть»; «Это — пир гробовскрывателей!...» (См.: III, 92, 100; см. также: строки 373—375, 575—577, 578—581 — III, 102, 107, 107). Функция других сложнее — кроме обозначения, они дают информацию о существенном действии или действиях группы лиц: «Служа безупречно и пользуясь весом, Они посвящают досуг интересам Коммерческих фирм на паях»; «То имя, что деды в безумной отваге Прославили — гордость страны — Они за пай подмахнут на бумаге, Не стоящей трети цены» (III, 107, 107).

Групповые действия никак не противоречат индивидуальным; а лишь в более смелом виде повторяют действия отдельных лиц. И оба ряда действий — не результат чьей-либо прихоти, они предопределены законами, нормами, самим духом капиталистического мира. Читателем это улавливается опять-таки через определенный ряд афористических утверждений: «Предпочтя ученой славе Соблазнительный металл...»; «Правду вывернув до дна, Чудо сделают...»; «Из пяти одна затея Удалась — набит карман!»; «По руке пригнать перчатку (курсив Некрасова. — Л. Р.) — Дело Гроща»; «Он туда протиснет взятку, Что руками разведешь!»; «Ухватив громадный куш, Он ушел»; «...не хотел Праздно сидеть на своем капитале»; «Постигнув порядки Новой эпохи, и он не дремал» (III, 126, 127, 128, 131, 131, 133, 149, 149). Изображение групповых действий остроумно завершается картиной игры-выхода из созданной Зацепиным

ситуации неловкости. Даже игра держится на жажде обогащения: «...пошла забава, Что ни ставка — капитал!» (III, 150). При создании афористических суждений в «Современниках» Некрасов, как видно, часто использовал грамматические формы, четко указывавшие на процесс действия, движения.

Общая характеристика героя и групп, характеристика действием могут сложиться из перечня ряда признаков, как это сделано при изображении личности и жизни князя Ивана, Леонида, барона (строки 101—109, 1162—1165, 1174—1178, 1319—1332 — III, 125, 126, 129), а также — «общественного лица» тузов-богачей (строки 1267—1274, III, 128).

Опосредованная зависимость «зерна» афористического выражения от жизненного материала, от конкретно-социальной обстановки несомненна и при вычленении мотивов действий «героев времени» или каких-то этапов их жизненного пути: «И, казалось, миллионом Не собьешь его с пути»; «Прыг с обсерватории В омут биржевой!...»; «Встарь он пел иные песни, Искандер был друг его»; «...вывели из мрака Случай, ловкость и родня» (III, 125, 125, 125, 131). Аналогично есть и в более ранних сатирических произведениях:

Что тут борьба со стихиею,
Если подорван кредит,
Если над собственной выею
Меч дамоклов висит?
(«Песня об Аргусе» — II, 449);

или:

За книгой с детства, кроме скуки,
Он ничего не ощущал,
Китайской грамотой — науки,
Искусство — бреднями считал
(«Притча о „Киселе“» — II, 452).

«Текущая действительность» для автора-рассказчика — сложная система. Наряду с тем, что вызывает благодушную иронию («Про таланты его непомерные Очень громкие слухи прошли» — III, 118), он видит в ней и афористически фиксирует ситуации поворотные, критические: «Ничего нет в мире вечного — Скоро будет он банкрот!»; «И на помощь аферистам Силу знания принесли»; «Он карьере даст толчок, Даже выхлопотать может Португальский орден!» (III, 119, 127, 131). Критические, поворотные ситуации афористически опре-

делялись и в отдельных сатирических стихотворениях: «Меньше бы трат бесполезных! И без того мы в нужде» («Песни о свободном слове» — II, 239), «Факты есть, но касаться их больно!» («Балет» — II, 248). В ряде произведений (до поэмы «Современники») в афористической форме выражалось авторское отношение к основным опорам, на которых держится жизнь, в частности, к труду. Показательны в этом аспекте суждения из «Песни о труде», включенной в состав «Сцен из лирической комедии „Медвежья охота“»: «Нет в жизни праздника тому, Кто не трудится в будень», «Кому бросаются в глаза В труде одни мозоли, Тот глуп», «Трудись по силам и желай, Чтоб труд был вечно сладок» (Ст., II, 250—251).

Главное же, автор-рассказчик видит процессы, вызванные новой — капиталистической — формацией. Это время, когда Русь разбужена («Надо честь отдать почи-ну — Разбудили Русь они»), а «купцу и дворянину плохо спится», когда Русь «практичней стала: На проекты на-легла», но для нее же «гуманная идея Отошла на задний план» (III, 128). Теперь «постигла и Россия Тайну жизни, наконец» (там же).

Афористическими утверждениями выражено авторское мнение о крутом изменении ценностей: «С точки зрения стратегической Аргумент — всему венец!...»; «И сказались барыши Лишней гривною в налоге С податной души...»; «Тайна жизни — гарантия, А субсидия—венец!»; «...изваяя Гарантию и субсидию (III, 127, 128, 128, 128; вычленено Некрасовым. — Л. Р.). Такого рода ценностями предопределены наиболее распространенные в обществе наживы типы отношений его членов: «И вскочили «орлы» его верные. И героя домой повели»; «...толпой Пусть идут на поклоненье И ученый и герой»; «Светский мир и мир подпольный Дань равно ему несут»; «Стали к нему, как ручьи в океан, Тайные нити успеха стекаться» (III, 118, 128, 130, 149). Автор-рассказчиком замечены и в лаконичной форме обозначены наиболее существенные способы, методы достижения таких ценностей, прохождения по такому пути:

Всякий план, в основе шаткий,
- Как на сваях; утверждают:
Исторической подкладкой,
Перспективами снабдят

(III, 127).

Или: «Дальше — громче пропаганда, Загорается война» (III, 127).

Со всем этим неразрывны самые широкие и емкие по сути, законченно-лаконичные по форме итоги художником осуществленного исследования «механики» общественного устройства. В них опять-таки обнажено взаимодействие объективного и субъективного начал: «В уши. Словно бьют колокола, Гомерические куши, Миллионные дела»; «Мне снились планы О походах на карманы Благодушных россиян» (III, 110). Или пример из черновых вариантов:

Хоть трудись в ярме железном,
Хоть издохни ты в борьбе,
Нету средства быть полезным
Ни народу, ни себе!

(III, 406).

Резюмируя, следовательно, можно считать, что автор-рассказчик в поэме «Современники» (как, впрочем, и в «Кому на Руси жить хорошо»), находясь рядом со своими героями, видит больше их, мыслит шире — отсюда идет обилие обобщений в потоке авторской речи, насыщенность их афористическими суждениями о настоящем и будущем России, об особенностях ее развития, о типах и нормах жизни современников, о сущности капиталистических отношений и путях накопления капитала. Во многих афористических выражениях, «зерном» которых являются отрицательный жизненный факт или система фактов, несомненна тенденция к заострению и метафорической гиперболе. Об этих стилистических средствах, исследуя тексты и сатирических произведений, очень точно писал М. М. Гин¹⁶.

Как и в «Кому на Руси жить хорошо», автор-рассказчик в «Современниках» подчас как бы отходит в сторону, уступая различным персонажам и «сцену действия», и частично функцию повествующего о том, что было прежде, вне пределов сейчас происходящего, в иной социальной среде. Такой принцип повествования, как и называвшиеся выше, усиливает впечатление объемности, глубины. При изображении таких персонажей-повествователей раздвигается, укрепляется их роль в микро-

¹⁶ Гин М. М. Гипербола в поэзии Некрасова. — В сб.: Вопросы реализма. — Петрозаводск, 1968, с. 116—118; то же — в кн.: Гин М. От факта к образу и сюжету. / О поэзии Н. А. Некрасова. — М.: Советский писатель, 1971, с. 259—261.

мире произведения. Иногда они выступают союзниками автора, но чаще смотрят на происходящее с какой-то иной позиции. В основном ходе повествования это ведет к увеличению объективности, а в системе афористических суждений крепнут или общие связи, или «противовесы», то есть возникают внутренние «сцепления», а подчас «отталкивания». Однако организующим центром повествования, гарантирующим конечную целостность впечатления, остается авторское сознание¹⁷.

Каждый из персонажей индивидуален. Шкурин и Грош, Зацепин и Леонид, князь Иван и Ветхозаветный — разные личности. У каждого из них свой опыт жизни и несовпадающее положение в настоящем. Они неодинаково «заражены» жаждой наживы. Естественно, что не тождественны общий строй их речи, как и заключенные в нем афористические суждения. Не имея возможности здесь подробно излагать результаты наблюдений над речью каждого из них, заметим, что ни у одного из них она не является лишь воплощением какой-то суммы общественных идей.

Отсюда в их афористических суждениях в своеобразной форме зафиксированы не только раздумья над законами капиталистического мира. Качественный состав их афористических суждений раздвигается, когда они подходят к осмыслению трагического противоречия некоторых своих чувств (или чувств близких людей) и немолимости действия этих законов. Особенно значительными в этой связи представляются афористические суждения князя Ивана, Саввы, самого Зацепы, вызванные неожиданным раскаянием последнего. В монологе князя Ивана соседствуют гуманное и циничское: «Не воротится невинность, Как глубоко ни грусти» и «Ты подобен той гетере, Что на склоне блудных дней Горько плачет о потере Добродетели своей!» (III, 140). У Саввы оба полярных начала «совместились» в одном высказывании: «Гроза пройдет, И завтра ж, — побожиться смею, — Великий ум изобретет Золотоносную идею!» (III, 140). Не менее интересны и такие, например, высказывания Зацепы, как «Лежат в основе состоянья Два-три фальшивых завещанья, Убийство, кража и поджог!», «Где позабудь покой и сон, Добычу зорко карауля, Где

¹⁷ См. об этом: Гин М. М. О своеобразии реализма Н. А. Некрасова. — Петрозаводск, 1966, с. 208—228.

в результате—миллион Или коническая пуля» (III, 140). Даже для циника Леонида, полагающего, что «лучше бить, чем битым быть», что «лучше есть арбузы, чем солону» (III, 147), в какие-то минуты прозрения существует понятие о душе, сердце, идеале: «...как ржа железо, ест Душевной немощи сознание»; «Русской души не понять и неверцу»; «Дайте излиться прекрасному сердцу»; «...убить идеала В сердце прекрасном не мог» (III, 146, 147, 147, 147).

Поскольку «герои времени» знают его изнутри и сами являются рыцарями той «шайки», «Что исповедует разбой Под видом честных спекуляций» (III, 140), часть их суждений своей откровенностью и даже безапелляционностью превосходит авторские, особенно в случаях, когда речь идет о новых социальных средах или сформированных ими типах людей: «Грош у новейших господ Выше стыда и закона»; «Нынче тоскует лишь тот, Кто не украл миллиона»; «Что ни попало — тащат»; «Вместо сердца, грош фальшивый У тебя в груди»; «Денежки — добрый товар»; «Неисчислимы орудья клеймящие» (III, 141, 141, 141, 143, 146, 147). «Пробы», подступы к такого рода афористическим саморазоблачениям определенных категорий персонажей встречались у Некрасова и раньше. Журналист-рутинер заявлял, например: «Одну идею я имею, Что все идеи эти — дым!» («Песни о свободном слове» — II, 497). Или боящиеся потерять место актеры, хоть и скорчив «гримасу», уверяли своего начальника «Киселя»: «Противустать возможно ядрам, Но вашим просьбам — никогда!» («Притча о „Киселе“» — II, 456).

Как и в множестве авторских афористических суждений, здесь есть свои, идущие от жизни и собственно художественные стержни. Основной интерес героев сосредоточен не на мелочах быта или частных биографий, а на историческом, социальном, экономическом движении общества и государства в целом. Об этом реплики и рассказы Ученого президента, библиографа Ветхозаветного, Саввы, Зацепина, Коммерсанта, Леонида, князя Ивана и других. Многие из осознанного ими высказываются в афористической форме: «Оставим бедный наш народ Судьбам его — и богу!»; «...граф дивиденда Красноречивее слов говорит!»; «Что сегодня постыдным считается, Удостоится завтра венца»; «Не у нас — во всей Европе Прессой правит капитал» (III, 97, 106, 109, 117).

Выше говорилось о том, что свойственная отдельным персонажам поэмы потребность самопокаяния, самоанализа раскрывается Некрасовым в богатых афористическими формами их монологах-исповедях. Однако в общей структуре произведения немало значат и другие развернутые высказывания, совсем далекие от исповедальных. Хотелось бы обратить внимание на мнение князя Ивана о той капитализирующейся России, которая «бредит Америкой». Это мнение выражается несколькими афористическими суждениями:

Тернисты пути совершенства,
И Русь помешалась на том:
Нельзя ли земного блаженства
Достигнуть обратным путем

(III, 142).

Каждое из них значимо само по себе, но и вместе они любопытны, ибо служат созданию образа. Князю Ивану, но прежде всего — стоящему за ним Некрасову Русь кажется живой, способной мыслить («бредит», «помешалась»), иметь желанья в социальной сфере. Таково же взаимодействие нескольких афористических суждений и нового по своим качествам афористического образования в «гражданской» речи Зацепина, когда он зримо представляет себе единоборство «хищника смелого» и «Руси неумелой» (III, 145).

«Движущаяся Русь» является объектом спора в диалоге искателей концессий и земцев, диалоге группы лиц (заметим еще одну особенность поэтики Некрасова), пытающихся объяснить со своих позиций причины новых явлений в пореформенной жизни страны. Каждая спорящая сторона облекает свои аргументы в такой ряд афористических суждений, который в конечном итоге четко и полно характеризует как истинное положение дел на Руси, так и общественную позицию, субъективные намерения этой группы лиц (то есть снова возникает взаимодействие субъективного и объективного). Земцы: «...провинция пустеет, Города объаты сном»; «Народившийся кулак По селеньям зверем рыщет»; «Взятку, взятку-невидимку Ловит каждая душа»; «Даже божи стихии Ополчились на крестьян». Искатели концессий: «Прах отцов — добыча тленья, А живому дорог день»; «Как из чумного селенья, Мы бежим из деревень» и т. п. (Ст., III, 279—280).

Приведенными наблюдениями и выводами не изменяются, а, напротив, укрепляются прежние, сделанные в результате исследования афористического строя речи автора-рассказчика.

Итак, автор-рассказчик и персонажи с помощью афористических выражений определяют характерологические свойства отдельных людей или групп, занятия, нормы поведения, направленность интересов, оценивают новые социальные среды и сформированные ими типы. В целом круг «схваченных» в них жизненных явлений очень широк и существенен для понимания сложного времени: поворотные ситуации «текущей действительности», вызванные капитализацией страны процессы, связанное с этим представление об изменении ценностей, главные пружины в «механике» общественного устройства, «движущаяся» в истории Русь и т.д. В них бывает ирония и самоирония, очевидно взаимодействие субъективного и объективного начал. По качеству афористических выражений можно судить о некоторых свойствах личности произносящих их персонажей. Вместе с тем, афористический характер части текста, несмотря на «бытовую» фабулу, постоянно обращает читателей к напряженным раздумьям о коренных вопросах жизни, связанных с судьбой России в условиях развития капитализма.

На наш взгляд, афористичность является такой существенной особенностью стиля поэмы «Современники», в которой реализуются новые свойства творческой манеры «позднего» Некрасова. Вместе с тем в ней — итог некоторых общих тенденций развития его поэзии. Ее корни — в ранее и одновременно с поэмами создавшейся лирике, с одной стороны, и в особенностях народного мировосприятия, устного народного творчества, с другой. Для ориентированных, в свою очередь, на читателя и слушателя из народа произведений Некрасова эти прямые истоки были чрезвычайно важны. Но афористические выражения в поэтическом тексте включали в себя, как показано выше, и художественно воплощенный результат работы мысли революционно настроенного интеллигента.

Весьма важно, что они введены в текст поэмы, жанра объемного, требовавшего — во всяком случае, в реалистической системе — описания, анализа и не столько эмоционального, сколько понятийно обоснованного синтеза, который в отличие от романтических произведений вскры-

вал бы причинно-следственные связи в социальном мире. А для поздней некрасовской поэмы была свойственна замедленность, приостановка действия, позволявшая особенно тщательно, особенно пристально осуществить «смотр» происходящего. В «Современниках» в «смотре» активно участвует, что немаловажно для представлений и дискуссий о структуре некрасовской поэмы, в том числе — сатирической, автор-повествователь.

Можно утверждать: афористические выражения, продуманность системы их включения оказались здесь, наряду с «картинностью», построением по «сценам», тем «противовесом» наступлению логических и прозаических начал, само выдвижение которых было неизбежным при решении задачи «разработки понятий об обществе» средствами искусства.

Вместе с тем они до некоторой степени брали на себя функцию слов-сигналов, характерных для романтических произведений. Кроме того, поскольку часть из них природой своей связывалась с народным миром («Народная мудрость высказывается обыкновенно афористически»¹⁸), раздвигался возможный читательский адрес, что-то резче запечатлевалось — или должно было быть запечатленным — в памяти не только читающих, но и слушающих.

¹⁸ Добролюбов Н. А. Собрание сочинений в девяти томах, т. I. — М.; Л.: ГИХЛ, 1961, с. 85.